



В. Н. СТОРОЖЕВ

**Император Александр I
и русский правительственный либерализм
начала XIX века**

<Фрагмент>

<...> Начало XIX столетия является на Европейском континенте ареной крупных событий. То было время, когда в разных формах пытались подвести итоги Великой революции, оперируя в значительной степени старыми средствами в изменившейся социально-экономической обстановке. Продолжая стоять так или иначе на политических основаниях, стремились двинуть в ту или другую сторону разрешение совершенно новых назревавших или назревших социально-экономических вопросов. И писатели, и правительство, которые вели политическую игру, все-таки не переставали возвращаться в области последних, а тем или другим их решением или обсуждением вступали в характерные течения, получившие прозвания реакции и либерализма. Именно с этого времени начинается та бесконечная и шумная игра терминами реакция и либерализм, — игра, которая, в конечном счете, немало содействовала потемнению общественного сознания, прежде чем последнему удалось расстаться с ними и заговорить открытым и выразительно-ясным языком борьбы классовых интересов, — борьбы за социальное равенство и экономическую свободу. Либерализм, сам по себе, как течение в сторону политической и религиозной свободы, как течение, преисполненное фразами о правде и законном порядке и порицаниями бесправия и произвола, везде равно был бессилён сам в себе и нигде не мог сделаться лозунгом народных масс, для которых хлеб всегда был и будет дороже самой блестящей по красоте либеральных идей фразы о народной свободе в тусклом освещении так называемого правового порядка. Учебник всеобщей истории, трактующий новое время, начинает изображение девятнадцатого столетия с заголовка реакция и либерализм, связывая с этими терминами неоправдываемое в действительности решающее значение и различая их на самом деле формально, а не по существу. Между тем эти термины

настолько сбивчивы в своем различии, что не могут быть мерою оценки действительных явлений. Это замечание надо признать настолько бесспорным, насколько осязательно то, что в одном и том же лице могут мирно уживаться оба этих течения, и притом одновременно. В этом случае чрезвычайно ценным объектом для исторических наблюдений является российский либерализм начала XIX в.

В романтические дни первых мгновений царствования Александра к нему обратился с длинным и трескучим посланием дворянин В. Н. Каразин¹. Послание Каразина было найдено царем 22 марта 1801 г. на его рабочем столе в кабинете. Оставляя в стороне лирическую сторону послания, вылавливаем сущность каразинского либерализма. Автор глубоко верит в творческую силу правительства — что оно захочет, то и сделает из нас: «Народы всегда будут то, чем угодно правительству, чтоб они были. Царь Иван Васильевич хотел иметь безответных рабов, с ним подлых, между собою жестокосердных: он имел их. Петр Первый желал видеть нас слепыми подражателями иностранным: к несчастью, мы с излишеством таковыми стали. Премудрая Екатерина начала образовывать россиян. Александр, любимец народа, довершит великое сие дело». Так как правительство все может, а Александр хочет благотворить отечество, то последнее безусловно верит, что царь продолжит и завершит образование россиян из сорока миллионов человек, «искони привыкших беспредельно чтить власть, вне которой они не могут представить себе блаженства; одного взора их помазанников часто довольно, чтоб разлить повсеместную радость, и, конечно, одного веления, чтоб устроить счастье, каковым только человек на земле наслаждаться может». Царь, конечно, окружает себя «сонмом мужей мудрых», но так как он единственный источник всего, единственная надежда, то автор не мог не «повергнуть» этого послания перед царем, как «лепту вдовы в сокровищницу». Итак, царь «раскроет напоследок великую ту книгу судьбы нашей и наших потомков, которую лишь указал перст Екатерины». Далее Каразин спешит раскрыть перед царем эту книгу судьбы нашей, которую нельзя здесь представить иначе, как в подлинных словах самого автора послания: всякий пере- сказ смысл бы колорит и краски эпохи. Александр, пишет Каразин, «даст нам непреложные законы, клятвою многочисленных племен своих подданных утвердит он их в роды родов, он скажет России: се предел самодержавия моего и моих наследников, нерушимый вовеки! И Россия войдет, наконец, в число держав монархических, и железный своенравия скипетр не возможет сокрушить скрижалей ее завета». Столь сложное политическое преобразование, как смена самодержавной деспотии монархией, не может произойти сразу; медленность должна обусловиться тем, что царь «вопросит совета у мужей мудрых,

счастливою для нас судьбою поставленных близ его, и других, которых глас из отдаленнейших краев его государства истину поведать ему станет; он спросит о ней у законодателей мира древних и новых: с светильником беспристрастия пройдет творения их, сообразит оные с обстоятельствами своего народа, с его правами, обычаями, религиею, с местным его положением, с просвещением своего века напоследок; он составит коренное учреждение, изберет ему блюстителей и, оградив их личную безопасность, поставив вне сферы честолюбия и боязни, уделит им избыток своей власти на охранение святых законов отечества. Он ведает, что доверенность к правительству, утверждаемая известностью непременных законов, одна рождает взаимную доверенность граждан между собою, что она есть жизнь промыслов, мать общественных добродетелей и источник благоденствия. Он положит единожды твердое основание государственному достоянию, изочтет богатства своих обширных владений, определит возможности и повинности подданных всякого состояния и скажет: «Сим обязаны вы взаимно между собою, сим обязаны казне, сим обязаны престолу моему — ни более, ни менее, кроме чрезвычайных нужд государства». Не средства к новым на народ налогам велит он изобретать для бесконечного умножения доходов, но с благоволением примет те, кои клониться будут к уменьшению расходов. Он ограничит издержки, которые не служат к пользе империи и не возвышают блеска венца его: уменьшит двор свой, изженет из него сонмы ласкателей и прислужников, бесстыдно мечтающих, что достояния империи им принадлежат и что они преимущественное имеют право на милости государя по одному тому, что случай поставил их близ его особы... Вообще будет он дорожить произведением кровавого пота подданных, посвященным на пользу общую, и моральное изящество будет первейшим его предметом». Политическая программа Каразина изложена здесь темно по внешности, но определено и ясно по существу. Символически рисует автор образ конституционной монархии и не замечает, как резко впадает он в противоречие с самим собой: он исповедует абсолютную веру в абсолютное правительство и в то же время умоляет отставить самодержавие. Изложение Каразина пестрит конкретными и выразительными намеками на отрицательные детали существующего строя; автор далек от того, чтобы ограничиться мечтами о «непреложных законах» и «коренном учреждении»; он пытается набросать картину внутренней и внешней политики российского конституционного монарха, лишённого уже «железного своенравия скипетра». Царь, взывает Каразин, «не удостоит занять себя подробностями и иждивать на мелочи драгоценное время, в которое едва-едва вместиться могут всеобщие попечения владетеля пространнейшей империи в свете; даст

правильное движение главнейшим колесам государственного состава, и все прочие потекут правильно». Для нового политического строя, для понимания всей красоты законности необходимо народное образование. Над народом, как, с излишней самоуверенностью, полагал Каразин, «наиболее силы» имеет духовенство, вследствие чего на последнее надо обратить внимание, «учреждая для него гимназии, удаленные от тяжелых начал древней схоластики, и предоставляя отличия и награды не тем из проповедников, которые с пиитическим восторгом станут его (т. е. царя) величать в городских храмах, но тем, которые докажут опытами влияние, какое они имели на благонравие своих паств, тем, которые, учредив училища, неленостно преподавать в них будут чистое учение Христово и своим примером наставляя должностям человека-гражданина. Таким образом, не жезл, денно-нощно властью поднятый, заставит исполнять законы, но, гораздо действительнее, собственное уверение каждого в их пользе. Таким образом, законы будут охраняемы нравами и нравы — законами». По вопросу социальному Каразин менее ясен: в своем послании царю он не идет далее смены рабовладения крепостным правом, отражая этим воззрения большого круга лиц, не исключая либерально настроенных. Царь, пишет Каразин, «обеспечит существование помещичьих крестьян, поставив пределы их зависимости, и сим даст им средства вкушать иногда, в воздаяние трудов своих, сладость жизни, не прибегая к своеволию, питьям, оглушающим чувства, и другим приемам, свойственным отчаянию и неключимому рабству». В области экономической политики Каразин рекомендует покровительственные приемы правительства применительно к земледелию и промышленности. Широко и разумно должна быть поставлена колонизация страны, отнюдь «не насильно исторгая семейства из домов их и переселяя скоропостижно за целые тысячи верст в страны, по одной своей безвестности уже страшные для них и действительно смертоносные по чрезвычайному различию климатов, но из соседственных населеннейших мест вызывая и ободряя льготами». Земледельцев надо поощрить назначением «торжественных наград». Пусть такие награды получают те земледельцы, которые «отличились их редкими примерами благонравия или трудолюбием, изобретением или введением новых способов, или, наконец, засевом и возвращением растений, до того чуждых их стране». «Рукоделия, — продолжает Каразин, — и здесь, как и во всем его изложении, сквозят конкретные намеки на отрицательные стороны существующего, — возбуждать он (т. е. царь) станет не самовластным скоропостижным запрещением ввоза иностранных произведений (можно сохранить отечественную пользу с миролюбием к чужим народам), но привилегиями, данными мануфактурам и фабрикам, какие

теперь еще существуют, наипаче ж снятием налогов, разоряющих их и отнимающих охоту заводить новые. И тогда внутренняя торговля, усилясь от успехов хлебопашества и рукоделий, в течение немногих лет, сама собою, без всяких насильственных приемов возвысит внешнюю в нашу пользу и, уменьшив надобность в иностранных товарах, возвысит достоинство российских и, следовательно, цену российских денег». Конечно, для всех успехов в области промышленности и торговли необходимо «сохранить мир с державами». Не разрешая социального вопроса, не создавая условий для развития вольнонаемного труда, нельзя было ожидать и категорического роста торговли и промышленности, и в данном случае Каразин здесь возвращается к своей предпосылке, что доброжелательное и разумное правительство может создать все.

Такова была дворянская программа Каразина. Либеральный царь, еще прежде чем прочесть эту программу, открыл целый поток указов и повелений, о которых, подобно Екатерине II в 1762 г., Александр I в 1801 г. мог бы сказать, что они единственно склонялись «к восстановлению всего того, что в государстве по сие время противу доброго порядка вкоренилось». С исторической точки зрения прямо ценно перечислить все эти плоды либеральничанья тогдашнего правительства «по желанию всех наших верноподданных, а наипаче лейб-гвардии полков», как выразилась бы чистосердечно императрица Елизавета. Вот этот характерный поток правительственных распоряжений:

14 марта 1801 г.: снятие запрещения на вывоз разных продуктов и товаров из России.

15 марта: восстановление дворянских выборов и амнистия беглецам, укrywшимся в заграничных местах, с преданием забвению всех их вин, кроме смертоубийства.

16 марта: снятие запрещения на привоз в Россию разных товаров из чужих краев.

17 марта: отмена в губернских городах ратгаузов, а в уездных ордонанс-гаузов.

19 марта: предписание, чтобы полицейские чиновники отнюдь из границ своей должности не выходили, а «тем не менее не дерзали причинять никому никаких обид и притеснений».

22 марта: о свободном пропуске едущих в Россию и отъезжающих из нее.

24 марта: отмена запрещения на вывоз за границу хлеба и вина.

31 марта: отмена запрещения ввозить из-за границы книги и музыкальные ноты; повеление распечатать частные типографии, закрытые указом 5 июня 1800 г., и дозволение им печатать книги и журналы.

2 апреля распубликовано пять манифестов: о восстановлении Жалованной грамоты дворянству; о восстановлении Жалованной грамоты городам; о свободном пропуске российских произведений за границу и об оставлении сбора пошлин с них на прежнем основании; об улучшении участи преступников и о сложении казенных взысканий до 1000 руб.; об уничтожении Тайной экспедиции и о ведении дел, в ней производившихся, в Сенате, ибо в благоустроенном государстве «все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона». В манифесте об уничтожении Тайной экспедиции сказано, что в благоустроенном государстве «все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона». Надлежит поручить «единому действию закона охранение имени нашего и государственной целостности от всех прикосновений невежества и злобы».

8 апреля: уничтожение виселиц, поставленных в городах при публичных местах, чтобы прибавить к ним имена провинившихся лиц.

22 мая: «священников и диаконов, в уголовные преступления впадших и судом обличенных, от телесного наказания освободить».

18 мая: генерал-прокурор А. А. Беклешов сообщил президенту Академии наук указ, дабы «объявление о продаже людей без земли ни от кого для припечатания в ведомостях принимаемо не было».

18 января 1802 г.: Военной коллегии объявлено, чтобы «отныне впредь употребляемую комиссиями военных судов в некоторых приговорах речь, нещадно, касательно наказания, в приговорах не употреблять».

Приведенный перечень требует некоторых пояснений. В нем нет ни одной сколько-нибудь серьезной политической меры по существу. Все это меры, предпринятые в интересах дворянского хозяйственного и частью культурного благополучия. Дворянство устремилось, сколько можно шире, воспользоваться первыми днями александровского царствования, пока еще не исчез тяжелый призрак ночи с 11 на 12 марта 1801 г. Для народа в ближайшем смысле этого слова, конечно, ничего не было сделано, да и не могло быть что-нибудь сделано при тогдашних условиях. Для дворянства и городов было восстановлено действие екатерининских грамот 1785 г. Рабовладение не могло лишиться своих ужасов только благодаря тому, что в академической газете не стали принимать объявлений о продаже крестьян без земли; полиция не могла изменить своих традиционных отношений к обывателю только потому, что какой-то указ, забытый в день его распубликования, рекомендовал никому не причинять никаких обид и притеснений; неприкосновенность личности не получила реального бытия оттого, что теперь стало позволительным выписать из-за границы ноты нового романса; уничтожение

Тайной канцелярии было одним лицемерием, ибо скоро (5 сентября 1805 г.) появился особый «Комитет для совещания по делам, относящимся к высшей полиции», который должен был иметь попечение «о сохранении общественного спокойствия и тишины», получать «немедленно и исправно сведения» о подозрительных людях и собраниях, о «разглашаемых в городе слухах и известиях, опасение и тревогу наводящих», а также «через сношения с дирекциею почт получать немедленные и верные сведения о подозрительных переписках». Комитет этот был учрежден совершенно секретно и по инструкции должен был действовать так, чтобы никто и не подозревал о его существовании. «Я желаю, — сказал император Александр в 1805 г., — чтоб учреждена была la haute police (высшая полиция), которой мы еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах». Указом Сенату от 13 января 1807 г. учреждение это было преобразовано в постоянный «Комитет охранения общей безопасности», в состав которого вошли князь П. В. Лопухин², Н. Н. Новосильцев и А. С. Макаров³, который был когда-то преемником Шешковского⁴ по Тайной экспедиции. Н. Н. Новосильцев был как раз сочинителем записки, положенной в основу учреждения, ведавшего политическую полицию. Комитет, между прочим, должен был ведать такие дела:

1) О лицах, подозреваемых в переписке с неприятелем и зловерных разглашениях.

2) О разглашаемых слухах относительно восстановления Польши.

3) Возбуждение народа слухами о вольности крестьян.

4) О распространяющихся в народе ложные и вредные слухи по поводу военных событий (иначе говоря, запрещалось интересоваться подробностями Аустерлицкого боя).

5) Составление и распространение возмутительных воззваний, вредных сочинений и проч.

6) О тайных обществах и запрещенных сходбищах.

7) О различных представляемых правительству проектах победы над неприятелем, расширения владений, открытия людей злонамеренных и проч.

8) О вредных книгах.

Комитет уже 19 февраля 1807 г. заявил о необходимости особой канцелярии, дел много, «ибо начинают присылать их из всех мест». Такова была обратная сторона правительственного либерализма начала XIX в., которая станет еще понятнее, если принять во внимание, что в 1801 и 1802 гг., когда изливался перечисленный выше поток указов, император Александр уже с 13 марта 1801 г. продолжал неизбежный утренний вахт-парад в павловском стиле; он не решился уничтожить солдатские косы и только разрешил обрезать букли.

Военный генерал, историк александровской эпохи Н. К. Шильдер не без иронии замечает, что «для войск была придумана новая форма»: «широкие и длинные прусского образца мундиры были перешиты в узкие и чрез меру короткие; низкие отложные воротники сделались стоячими и до того высокими, что голова казалась точно в ящичке и трудно было ее поворачивать; тем не менее все восхищались новой обмундировкой». Только спустя с лишком год после Аустерлицкого погрома Александр рискнул на столь решительную меру, как уничтожение солдатских кос. 2 декабря 1806 г. Военной коллегии было предписано «всем нижним воинским чинам, исключая гвардии и гусарских полков, обрезать косы под гребенку».

Царь в манифесте, изданном в день коронации 15 сентября 1801 г., говорил, что, «отвергнув ужасы Тайной экспедиции, мы исторгнули из заклепов ее все ее жертвы; уничтожив бесконечные следствия и суды над чиновниками и всякого звания людьми, вовлеченными в преступление заблуждением, случаем или порочными примерами, облегчили мы судьбу их без ослабления силы закона». В тот же день была учреждена особая комиссия для пересмотра прежних уголовных дел, а 23 сентября были изданы «к единственному ее сведению рассуждения», на основании которых комиссия должна была дать новый и значительный материал для амнистии, составив его из трех категорий «политических» жертв Павловских порядков. Наконец, 27 сентября появился указ о том, чтобы «нигде, ни под каким видом, ни в вышних, ни в нижних правительствах и судах, никто не дерзал ни делать, ни допускать, ни исполнять никаких истязаний под страхом неминуемого и строгого наказания, ...чтобы самое название пытка, стыд и укоризну человечеству наносящее, изглажено было навсегда из памяти народной». Фактическим плюсом момента коронации надо признать только один факт, а именно, что в столь торжественный день вовсе не было роздано крестьян, и все, мечтавшие получить в свое владение то или другое количество крестьян, должны были жестоко разочароваться. Но разочарование на самом деле получило своего рода национальный характер. Екатерина II издала Жалованные грамоты дворянству и городам. Александр манил своих сотрудников мечтой издать в день коронации все милостивейшую грамоту, русскому народу жалуюмую. Чуть ли не под непосредственным руководством графа А. Р. Воронцова был написан и проект такой грамоты, по которому чуть-чуть прошла рука Сперанского и который рассматривался в собраниях так называемого Негласного Комитета 15 и 23 июля 1801 г. Грамота начиналась уверением, что «всегда первый и единый наш предмет будет: благополучие, спокойствие и сохранение целости российского государства и народа; не менее правилом себе поставляем

признать сию истину, что не народы сделаны для государей, а сами государи установлены для пользы и благополучия народов, под державою их живущих; а потому узаконяем и обещаем императорским нашим словом за нас и преемников наших, яко коренным законом, следующие статьи». Таких статей в проекте значилось двадцать шесть. В первой группе статей подтверждались и возобновлялись в прежней силе: дворянская грамота и городовое положение; право свободного выезда за границу; общие права собственности, личной безопасности и давности гражданской и уголовной; уничтожение конфискации и обращение имущества наказанных гражданской смертью, во всяком случае, к законным наследникам; обращение всяких исков сперва к имению, а потом уже к лицу, и право последнего владельца в роде свободно располагать своим имуществом. Эта группа статей представляет мало интереса и значения. Ценнее вторая группа, по которой вновь постановлялось: 1) что обвиняемый в преступлении, пока он не объявлен по законному приговору виновным, должен сохранять неприкосновенно все свои права; 2) что каждому подсудимому дозволяется избрать себе защитника и, сверх того, в делах как уголовных, так и гражданских, отвергнуть по законным причинам своих судей; 3) что тот, кто, быв задержан, в течение трех дней от задержания не будет представлен к суду для допроса, может требовать от ближайшего начальства немедленного своего освобождения; 4) что наказания за оскорбление величества должны быть прилагаемы к одним только прямым деяниям, но отнюдь не к словам и сочинениям; 5) что никто не может быть вторично потребован к суду за такое преступление, за которое был уже однажды судом оправдан; 6) что казна, по тяжбам с частными лицами, подчиняется в порядке судопроизводства совершенно одинаковым с последними правилам; 7) что впредь никакие подати и налоги не могут быть учреждены иначе, как по именному указу, обнародованному через Сенат. Все, что в грамоте по существу было новым для России, так и осталось никогда не приведенным в исполнение каким-либо отдельным указом. Осталось особенно забытым обещание свободы веры, мысли, слова, письма и деяния, поколику они законам государственным не противны.

В те же романтические дни первых мгновений своего царствования Александр немедленно приступил к административным мероприятиям, излагая их языком, в котором чувствовался своего рода либерализм момента. Указом 30 марта 1801 г. был учрежден Непременный совет «для рассмотрения и уважения государственных дел и постановлений»; согласно наказу 5 апреля ему принадлежала одна только «сила соображения». Царь присутствовал в нем только один раз 16 мая 1801 г. при рассуждениях о непродаже крепостных людей без

земли. Уже Сперанский отметил, что «установление сие не достигло предположенной цели» и не стало своего рода источником законности. 5 июня того же года последовал новый указ: Сенату велено представить особый доклад о своих правах и обязанностях для утверждения оных силою закона на незыблемом основании, как государственный закон. Сенат должен был собрать и в докладе царю представить «все то, что составляет существенную должность, права и обязанность его, с отвержением всего того, что в отмену или ослабление оных доселе введено было». Царь предполагал «права сии и преимущества Правительствующего Сената поставить на незыблемом основании, как государственный закон», а в особом рескрипте на имя графа В. П. Завадовского при назначении его главой комиссии о составлении законов говорится: «Поставляя в едином законе начало и источник народного блаженства и быв удостоверен в той истине, что все другие меры могут сделать в государстве счастливые времена, но один закон может утвердить их навеки, ...я всегда знал, что с самого издания Уложения до дней наших, т. е. в течение почти одного века с половиной, законы, истекая от законодательной власти различными и часто противоположными путями и быв издаваемы более по случаям, нежели по общим государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собой, ни единства в их намерениях, ни постоянства в их действии. Отсюда всеобщее смешение прав и обязанностей каждого, мрак, облегающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении и удобность переменить их по первому движению прихоти или самовластия». Незыблемая роль закона выдвигается Александром и в письме от 7 августа 1801 г. на имя княгини М. Г. Голицыной⁵, просившей остановить взыскание долгов, законность которых была удостоверена подписью ее мужа. «Я не признаю на земле справедливой власти, которая бы не от закона истекала», — писал ей Александр. Печать не осталась глухой к словесно-либеральному акту 5 июня, и Шторх в периодическом сборнике *Russland unter Alexander dem Erstem* («Россия при Александре Первом») рассказал о сильном впечатлении, произведенном этим актом на общественные верхушки. «Если, — писал Шторх, — нужно было достигнуть порядка в делах, правильности в действиях судов, если нужно было достигнуть законности в понятиях и представлениях народа, то первым условием для этого было именно смягчение самодержавия и приближение его к законно-монархической форме правления». И вот, по словам Шторха, Сенат, вместо того чтобы «ограничиться историческими объяснениями о том, чем был до сих пор Сенат по существующим постановлениям и законам, это почтенное сословие, напротив, собрало политические мнения своих членов о том, чем Сенат мог бы

быть собственно при новом порядке вещей, и в числе этих мнений находилось много таких, которые были весьма свободно высказаны и довольно близко подходили к основному источнику всех политических зол в России». Иностранные наблюдатели (напр., Дюмон) открыто признавали, что в России нет людей для неуклонного проведения политической реформы, и от их взора порою ускользало прежде всего то, что сам Александр никогда не был способен на серьезную политическую реформу. Вигель⁶ недаром дал в своих записках такую характеристику Александра: «Родившись в России и никогда дотоле ее не покидавши, напитанный русским воздухом самодержавия, Александр любил свободу, как забаву ума. В этом отношении был он совершенно русский человек: в жилах его вместе с кровью текло властолюбие, умеряемое только ленью и беспечностью... Император любил наружные формы свободы, подобно тому как увлекаются зрелищами; ему нравился призрак свободного правительствa, и он хвастался им; но он домогался одних форм и наружного вида, не допуская обращения их в действительность, — одним словом, он охотно даровал бы свободу всему миру при том условии, чтобы все добровольно подчинилось исключительно его воле». Тогдашние критики момента совершенно не понимали того, что в России начала XIX столетия совершенно не было почвы для каких-либо политических реформ, ибо не существовало класса, на который они могли бы опереться. Под либеральными фразами дельцов начала XIX века и англomanскими вкусами часто скрывалось не более тех истинных желаний, которыми пропитано было боярство, посадившее на московский престол князя Василия Шуйского, или попытки создать аристократию, скрытую от взоров нации верховной властью царя. 8 сентября 1802 г. было издано два указа, из коих одним учреждались восемь министерств и в сущности комитет министров, а другим устанавливалось расширение прав Сената. Говоря, что «власть Сената ограничивается единою властью императорского величества, иной же высшей власти он над собою не имеет», указ в особой статье предоставляет ему право ремонстрации, т. е. в данном случае право представлять царю о таких указах, которые в исполнении сопряжены с великими неудобствами или не согласны с прочими узаконениями, или же неясны. «Введение в указ 8 сентября этой статьи, утвержденной не без некоторого колебания, — пишет Н. К. Шильдер, — имело в виду ограничить произвол министров, имевших возможность испрашивать высочайшие повеления помимо Сената, нисколько не сообразуясь с существовавшими законами. Однако при всей скромности содержания этой статьи, она, на первых же порах, оказалась мертвою буквой. Александр, к удивлению

ближайших своих сотрудников, не замедлил обнаружить полную нетерпимость к самому умеренному и законному проявлению самостоятельности взглядов этого верховного места в империи». Сенат в начале 1803 г. сделал попытку применить на практике указанную статью закона 8 сентября 1802 г., чем привел Александра в настоящую ярость, и статья погибла навсегда. Поступая, быть может, правильно, с точки зрения общей политики, Александр в то же время попирали законы, им же самим установленные: указ 5–12 декабря 1801 г. появлялся вопреки манифесту 2 апреля 1801 г., по докладу министра, а осуществление права ремонстрации Сената произошло вопреки закону 8 сентября 1802 г. Тем не менее самодержец не в силах был провести на практике указ 5–12 декабря 1801 г., встретив громкую оппозицию со стороны дворянства. Среди преувеличенно пышных фраз по адресу дворянства и Сената в указе 21 марта 1803 г. Сенату ставилось на вид, что он вмешался не в свое дело и что известная статья указа 8 сентября 1802 г. могла бы касаться лишь законов, изданных до появления на свет обозначенного указа. Таков финал либерального закона. Равным образом министры в силу порядка своего назначения и положения при государе очень скоро сбросили с себя всякий верховный надзор Сената. 14 мая 1803 г. Александр призвал А. А. Аракчеева и назначил его инспектором всей артиллерии и командиром лейб-гвардии Артиллерийского батальона. Шильдер, военный генерал, историк эпохи Александра, с нескрываемым отрицанием отнесся к этому возвращению Аракчеева, усмотрев в нем окончательное поражение всех благих начинаний. За ним сравнительно скоро утвердилась «слава самоотверженного служения на более безопасном кровавом поле — на поле военных экзекуций». Безусловное презрение Александра к общественному мнению, быстро сдавшему в своей либеральной смелости, развертывалось вовсю: 13 января 1808 г. граф Аракчеев был назначен военным министром. Это был решительно брошенный вызов армии и дворянству. Позднее, пишет Вигель, «на расprostертый перед ним народ взглянул он (т. е. Александр) с досадным презрением, и не было слова его потом, не было действия, которое бы его не выражало». Об Аракчеве в обществе говорили, как о «людоеде». «Сначала, — продолжает Вигель, — был он употреблен им (т. е. Александром) как исправительная мера для артиллерии, потом как наказание всей армии и, под конец, как мщение всему русскому народу».

